

Наталья Александрова

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ИНСТРУМЕНТ АЦТЕКОВ

ЛАДАНКА
ЖАННЫ Д'АРК

Москва

НОВЫЙ
ДВОЙНОЙ
АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья Александрова

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ИНСТРУМЕНТ АЦТЕКОВ

ЛАДАНКА
ЖАННЫ Д'АРК

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Л. Адаменко*
Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46   **Смертельный инструмент ацтеков. Ладанка Жанны д'Арк : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.**

ISBN 978-5-04-223811-6

«Смертельный инструмент ацтеков»

Древние ацтеки изобрели необычный музыкальный инструмент, звук которого убивал и калечил. Он также был способен управлять любым человеком...

Действие этого артефакта в наше время обнаружили полицейский Петя Лебедин и его напарница несравненная Дюся. Они расследуют интересное дело — непостижимым образом оказались связаны четыре незнакомые девушки, три из которых уже мертвы. Причем у погибших на лицах застыло выражение неподдельного ужаса, а барабанные перепонки лопнули...

«Ладанка Жанны д'Арк»

Жанна очнулась в незнакомой квартире, ничего не помня о предыдущем вечере. Девушка с удивлением обнаружила, что на бедре у нее появилась татуировка: женское лицо в языках пламени, по бокам два цветка, стебли перекрещены, и в них воткнут меч. Но кто и зачем сделал ей это тату? Вернувшись домой, Жанна по привычке отправилась в бассейн и там увидела девушку с такой же татуировкой! А потом она обнаружила ее мертвой в своем шкафчике... Похоже, ей угрожает нешуточная опасность, убежать от которой сможет только старинная серебряная ладанка, по легенде, принадлежавшая самой Жанне д'Арк...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-223811-6

**Смертельный инструмент
ацтеков**

азитуллин!

Толстый, приземистый человек в черной стеганой куртке с капюшоном, с недовольно поджатыми мясистыми губами и маленькими острыми глазками заглянул в мусорный контейнер и снова заорал в пространство:

— Фазитуллин! Фазитуллин! Где тебя черти носят?

Тут же из-за угла дома появился долговязый смуглый тип в ватнике и высоких сапогах, с блином приямтой кепки на голове. В руках у него была растрепанная метла.

— Я тут, Бориса Борисовича! — отозвался он на оклик начальника. — Как вы велели...

— Почему тебя вечно не дозовешься? Ты вообще чем занят? — набросился на него толстяк.

— Уборкой придомовой тер... территории! — произнес тот заученную фразу. — Как вы велели...

При этом он взглянул на метлу, как бы ожидая от нее подтверждения своих слов.

— Как вы велели! — передразнил его начальник. — Я, по-твоему, кто — управляющий ТСЖ или попугай дрессированный?

— Управляющий, — ответил Фазитуллин после недолгого, но напряженного раздумья.

— Значит, если я вывесил распоряжение, его надо неукоснительно исполнять, или как?

— Исполнять, Бориса Борисовича!

8 — А вот что тут напечатано? — строго спросил Борис Борисович и показал на приклеенную к контейнеру листовку.

Фазитуллин уставился на листовку, от усердия выпучив глаза, потом развел руками и смущенно проговорил:

— Мелко, однако, написано... не могу разбирать...

Борис Борисович увлекался листовками. Он старательно сочинял их, печатал на принтере и развешивал везде, где только можно. Это были инструкции по сортировке мусора и по пользованию лифтом во время стихийного бедствия, списки злостных должников по коммунальным платежам, запрещения выгуливать собак на газонах и в других недозволенных местах, а также производить шумные работы по выходным и по государственным праздникам.

Запрещения были обычные, строгие и особо строгие. Борис Борисович искренне считал, что чем больше таких листовок он развесил и чем строже эти листовки — тем лучше и успешнее его работа в качестве управляющего.

Несчастный Фазитуллин плохо читал по-русски и старался просто заучить содержание листовок, но их было слишком много, а память у него была уже не слишком хорошая.

— С кем работать приходится! — вздохнул управляющий. — Тут, Фазитуллин, русским по белому написано, что контейнер предназначен исключительно для мелкого бытового мусора, а бросать в него крупногабаритные предметы, и особенно строительный мусор, строго запрещено.

— Так точно, Бориса Борисовича, запрещено! — отчеканил Фазитуллин, преданно глядя на управляющего.

— А это тогда что?

Фазитуллин заглянул в мусорный контейнер и увидел там большой черный мешок. 9

— Мешок, — честно сообщил Фазитуллин.

— Без тебя вижу, что мешок! — рывкнул управляющий. — А что в этом мешке?

— Не могу знать!

— Не могу знать! Но видно же, что там не мелкий бытовой мусор, а крупногабаритный предмет. А может быть, даже строительный мусор. Как же ты, Фазитуллин, не уследил за жильцами? Как же ты допустил нарушение габаритов?

— Виноват, Бориса Борисовича!

— Виноват! — передразнил его управляющий. — Раз не уследил, значит, сам теперь с этим мешком разбирайся!

Фазитуллин перегнулся через край контейнера и опасно ткнул в край мешка. В этом месте мешок немного прорвался, и в разрыве было видно что-то розовато-белое.

Фазитуллин немного расширил разрыв... и отскочил от контейнера с испуганным лицом.

— Ты чего, Фазитуллин, скачешь тут, как заяц? — строго проговорил управляющий. — Что это у тебя такое лицо, будто ты пожарного инспектора увидел?

— Не инспектора, Бориса Борисовича! — пролепетал Фазитуллин дрожащим голосом.

— А кого? — Борис Борисович хотел, чтобы этот вопрос прозвучал насмешливо, но дрожащий голос Фазитуллина и его побелевшее лицо настроили его на серьезный лад.

— Там баба, Бориса Борисовича! — едва слышно проговорил Фазитуллин. — Голая и мертвая...

— Ты ничего не перепутал, Фазитуллин?

Прежде чем Фазитуллин подтвердил свои слова, Борис Борисович осознал, что его ждут неприятности. А возможно, даже очень большие неприятности.

10   На столе у капитана Лебедкина зазвонил телефон.

Лебедкин вздохнул, отодвинул сложный график, который он вычерчивал вторую неделю на большом листе миллиметровки, и снял трубку.

— Лебедкин слушает!

— Ага, слушай, слушай! — раздался в трубке ехидный голос дежурного по отделению Коли Еропкина. — Сейчас к тебе женщина одна подойдет, вот ее и послушай. А то она мне уже все мозги вынесла, а тебе все равно нечего делать...

В первый момент Лебедкин задохнулся от возмущения, потом все же нашел в себе силы и выпалил:

— То есть как это нечего? Почему это нечего? Да если ты хочешь знать, у меня работы выше крыши...

Но было уже поздно — Еропкин повесил трубку.

Лебедкин перевел дыхание. Ну что это такое, каждый раз на него спихивают все самое неприятное...

А все этот Еропкин. Парень-то он, конечно, неплохой, однако необязательный, рассеянный и с ленточкой. Сам любит по коридорам болтаться да на кофе напрашиваться. Вот и вчера зашел и занял: «Лебедкин, дай кофе, умираю, спать хочу!»

Он, Лебедкин, и сказать ничего не успел, как нахал в Дусин стол полез — у нее, мол, кофе всегда есть, и вообще сладкое. А Дуся не любит, когда в ее столе шарят, да кто такое любит-то? Еропкин залез, а попадет кому? Ему, капитану Лебедкину, поскольку Дуся хоть и хорошая баба, невредная, но очень не любит беспорядка.

В общем, Лебедкин тогда наорал на Еропкина, потому что и так настроение на нуле было после визита к начальству. А Коля, конечно, затаил на него злость, вот и прислал проблемную посетительницу.

Все знают, что у Еропкина в этом смысле глаз-алмаз, сразу видит, спокойный гражданин попался

или скандальный и настырный, от которого так просто не избавиться, будет ходить и ходить, все ноги стопчет и до самого высокого начальства дойдет. 11

Капитан Лебедин вздохнул тяжело и поерзал на стуле.

Тут в дверь его кабинета постучали.

Собственно, кабинет — это громко сказано. Это была маленькая, тесная и душная комнатка с единственным давно не мытым окном, и эту комнатку Петр Лебедин делил с Дусей.

А Дуся... Дуся — это отдельная тема для разговора! Причем очень большая тема... большая во всех смыслах этого слова.

Дуся Самохвалова была напарницей Лебедина, и все без исключения коллеги ему страшно завидовали. И тому было множество причин. Причем весьма веских.

Во-первых, у Дуси всего было много, она так себя и называла «сто килограммов женской красоты». Сто — это, конечно, шутка, преувеличение, но девяносто там точно было, а может, еще и с походом.

Дуся своего веса нисколько не стеснялась, а как раз наоборот. Все части тела у нее были под стать комплекции: глаза — как синие фарфоровые блюдца, волосы вились буйно и свободно, напоминая джунгли на Амазонке, губы полные, без всякого геля, а все тридцать два зуба сияли ослепительной белизной.

Улыбалась Дуся всегда широко и дружелюбно, и исходила от нее такая жизненная энергия, что все без исключения мужчины буквально падали на месте, увидев такое чудо природы.

Товарищи по работе, конечно, к Дусиному феномену уже привыкли, а новичков предупреждали заранее, чтобы те, встретившись с Дусей в коридоре, не застывали на месте столбом и не пилились потом вслед,

12 пока кто-то проходящий мимо не толкнет плечом и не усмехнется: «Ну что, брат, и ты попался... Вот у нас Дуся какая...»

Вторая причина, а также третья, четвертая, пятая и так далее, по которым коллеги завидовали Лебедкину, заключалась в том, что, кроме красоты, Дуся еще была умна, коммуникабельна, обладала спокойным ровным характером и не боялась никакой работы. Словом, не напарница, а чистое золото.

Многие в отделении считали, что капитану Лебедкину незаслуженно повезло, и пытались Дусю смазать. Но Дуся, кроме всего прочего, была еще и верной.

С Лебедкиным они работали уже несколько лет, помогая и дополняя друг друга.

Как уже говорилось, мужчины Дусю обожали, женщины, как ни странно, тоже относились неплохо. Потому что Дуся никогда не говорила гадости за спиной и не отбивала чужих мужиков.

В работе со свидетелями ей не было равных, поскольку люди сами рассказывали Дусе все, что видели, и вспоминали все, что позабыли. Слушать Дуся умела.

Капитан Лебедкин поглядел на пустой Дусин стул и загрустил. Его напарница сегодня отсутствовала по причине... нет, Лебедкин такую причину принять не мог. И понять тоже.

Как уже говорилось, Дуся имела огромный успех у мужчин, которые просто не давали ей прохода. Спасало иногда удостоверение капитана полиции, отпугивало самых робких. Но далеко не всех. К тому же и сама Дуся вовсе не собиралась ограничивать свою жизнь работой. Нужно же и развлечься хоть иногда. И вот как раз напало на Дусю очередное увлечение, и она уехала с этим увлечением на выходные куда-то за город, да еще и отгулы прихватила, которые ей по-

лагались за переработку в очередном удачно законченном деле¹. 13

Не то чтобы Петр ревновал Дусю к посторонним мужчинам, но за столько лет он так привык к ее оптимизму, к ее буйной энергии, к ее толковым советам, к ее бесценной помощи в делах, что был сегодня очень недоволен ее отсутствием.

Надо же, какой-то хмырь посмел ее куда-то увезти!

И вот теперь он, Лебедкин, сидит один как перст в этом кабинете, похожем на стенной шкаф, и некому пожаловаться на интригана Еропкина и зловредную посетительницу.

В том, что от этой визитерши у него будут большие проблемы, Лебедкин почти не сомневался.

Итак, в дверь кабинета постучали, и капитан Лебедкин мрачно проговорил:

— Войдите!

Дверь открылась. На пороге возникла особа раннего пенсионного возраста, с короткой стрижкой ярко-рыжих волос, немного отдающих в малиновый оттенок. Щеки особы тоже были малиновыми. Вообще, малиновый, судя по всему, был ее любимым цветом. Во всяком случае, на ней были вязаная кофта того же возбуждающего оттенка да еще такой же шарфик.

«Фенолфталеиновый от щелочи малиновый», — вспомнил капитан школьную присказку и поежился. У него по химии никогда не было больше тройки.

В руках особа сжимала объемистую сумку из чего-то такого, что в прошлой жизни, безо всяких на то оснований, воображало себя крокодилком. Небольшие глаза особы пылали, в них горело чувство собственной значительности и непременной правоты.

---

¹ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Камея римской куртизанки». Издательство «Эксмо».

14   Войдя в кабинет Лебедкина, особа уселась на стул напротив капитана, положила сумку на колени, руки сложила на сумке и строго, не терпящим возражений тоном отчеканила:

— Вот что хотите мне говорить, а только он ее убил!

— Кто убил? — спросил Лебедкин с безграничным, буквально ангельским терпением. — Кто убил и кого? И для начала — кто вы такая и зачем пришли в мой кабинет?

— Опять двадцать пять! — недовольно проворчала особа. — Я уже тому все сказала, и теперь снова повторять?

— Придется повторить. Ему вы, может быть, и говорили, но я пока что не в курсе.

— Значит, я — Рыжикова. Рыжикова Татьяна Степановна. Гриб такой есть — рыжик...

— При чем тут гриб? — усталым голосом переспросил Лебедкин. — Вы что, пришли о грибах говорить?

— Нет, не о грибах! — возмутилась Рыжикова. — Грибы тут ни при чем. Это я на всякий случай, если вы такой непонятливый. А пришла я заявить об убийстве...

— Об убийстве? — оживился Лебедкин. — Теперь давайте по порядку. Кого убили? Кто убил?

— Убили ее. Марианну. А убил, само собой, он... Олег, значит. Она его за мужа держала, только меня на мякине не проведешь. Не были они женаты. Вот что хотите делайте — а не были. Так, сожительствовали. Как сейчас называют — гражданский брак...

— Пойдите! — Лебедкин почувствовал, как где-то в затылке от слов Рыжиковой сгущается боль, и поднял руку. — Пойдите! Не торопитесь! Вы сказали, что убитую зовут... звали Марианной. Так и запишем. А фамилия у нее имеется?

— А как же! Фамилия у всех имеется. Вот я, к примеру, Рыжикова, а она, значит, Марианна — Ромаш-

кина. А он, Олег — совсем наоборот, Барсуков. Так что ясно же — не были они женаты! Если бы были, у них бы одна фамилия была!

15

От слов Рыжиковой голова болела все сильнее. Есть такие люди — от самого их присутствия окружающим плохо становится. Их еще называют энергетическими вампирами.

У Петра Лебедкина возникло ощущение, что в комнате — не воздух, а какой-то густой, безвкусный и бесцветный кисель, от которого замедляются все движения и даже мысли.

С трудом сбросив это наваждение, он проговорил:

— А вы им кем приходитесь?

— А я им конкретно соседкой прихожусь. В соседней с ними квартире проживаю. Вот так их дверь, а вот так, значит, моя... прямо дверь в дверь, значит...

— Так вы заявляете, что конкретно видели, как гражданин Барсуков убил гражданку Ромашкину?

— Нет, чтобы видеть — нет, врать не буду. Что же он, совсем дурной — у меня на глазах ее убивать?

— Тогда вы видели ее труп?

— Чего нет — того нет!

— А тогда какие у вас основания утверждать, что он ее убил? — протянул Лебедкин и подумал, что непременно убьет Еропкина. Стукнет по голове электрическим чайником или лампой. Если, конечно, останется жив после этого разговора.

— А основания у меня самые основательные! — отчеканила Рыжикова. — Во вторник... то есть конкретно позавчера я слышала, как они ругались. Так ругались, что не приведи господь. Буквально самыми последними словами. А в среду ее дома не было. И сегодня ее нет. Вот скажите — куда она подевалась?

— Ну, мало ли куда... — протянул Лебедкин с плохо скрытой ненавистью. — Может, в гости уехала. Или по делам каким-нибудь. Мало ли дел у человека!

16 При этом он очень выразительно взглянул на часы, чтобы показать, что у него как раз много дел.

— Ага, в гости, как же! — передразнила его Рыжикова, не заметив его намека или не придав ему значения. — Не видела я, чтобы она из квартиры выходила.

— Ну, мало ли что не видели! Вы что же, всегда видите, кто входит или выходит?

Рыжикова ответила ему таким выразительным взглядом, который не нуждался в пояснении. Мол, а как же? Конечно, вижу! А потом она добавила, таинственно понизив голос:

— Чтобы она выходила — это я не видела. А зато видела, как он выходил. Прошлой ночью. И тащил здоровенный черный мешок для мусора. Как раз труп в нем мог бы поместиться.

— Вы фильмы детективные любите смотреть? — спросил Лебедкин усталым голосом.

— Ну, допустим, люблю, — осторожно ответила его собеседница. — Но только я не понимаю, при чем здесь это?

— Ладно, проехали, ни при чем.

— В общем, запишите ее приметы!

Лебедкин встряхнул головой, пытаясь сбросить тяжелое, мутное оцепенение, в которое вгонял его голос Рыжиковой, открыл блокнот и начал записывать.

— Лет ей примерно тридцать пять, волосы светлые, вот такие... — Рыжикова показала рукой чуть ниже плеча.

— Вот такие... — послушно записал Лебедкин и вздрогнул, увидев написанное. — Что значит — вот такие? До плеч?

— Немножко ниже. Глаза, значит, серые, рост средний. И еще непременно запишите, что татушка у нее вот здесь... — Рыжикова показала на ногу чуть выше колена.

— Тату, расположенное в нижней части бедра... — послушно записал Лебедин. 17

— Ага, тату! — в восторге повторила Рыжикова. — Роза, значит, обвитая ленточкой, и на ленточке написано не по-нашему...

— Что написано?

— Ту би ор нот ту би! Это из Шекспира! — гордо заявила Рыжикова, весьма довольная, что может блеснуть эрудицией.

— Пойдите, а как же вы это разглядели? — Лебедин поднял на Рыжикову измученный взгляд. — Это же на закрытой части тела! На невидимой посторонним!

— А чего тут разглядывать? — фыркнула свидетельница. — Это у кого закрыто, а она, Марьянка, вечно в таком коротком халате ходила, что не только тату, а нижнее белье, извиняюсь, видать! На лестницу выскочит — мусор там вынести или ко мне за солью, к примеру, — и халат вечно не застегнут, так что даже Роза Викторовна с верхнего этажа и то ей сказала: «Не простудитесь ли, Марьяночка, в такой холод полуголой на лестницу выскакивать?» Ну, это она потому сказала, что муж ее, Павел Яковлевич, как раз тут оказался и на Марьянины ноги загляделся. Ой, говорит, какая у вас татуировка интересная, только по-английски с ошибкой написано... «ор» неправильно. Марьяна тогда изогнулась — где, как... так что вообще все до самой попы видно стало. Никак не может быть, говорит, чтобы неправильно... Тут еще внук их, Данька, спустился, чтобы сумки тяжелые взять, потому что лифт не работал, вот все пешком и ходили по лестнице. Так Данька тоже на эту татушку уставился: «Точно, говорит, напарили тебя, Марьяна, в салоне этом, неправильно написали... они там все поголовно неграмотные». Тут как раз Роза Викторовна и вмешалась...

18 Лебедкин почувствовал, что еще слово — и он просто рухнет на пол от непрестанно усиливающейся головной боли. Или припечатает заявительницу этим вот металлическим дыроколом с Дусинога стола, ибо терпеть дальше ее голос, сыплющий неизвестными именами, он не в состоянии.

Однако мысль о Дусе привела его в чувство, и он сумел взять себя в руки.

— Гражданка Рыжикова, давайте закругляться, — сказал он по возможности твердо. — Я вашу информацию зафиксировал и принял к сведению...

— Что значит — к сведению? А как же арестовать его? Сожителя Марьянкиного?

— Ну, это не так просто... для этого у нас нет достаточных законных оснований...

— Почему это нет, когда очень даже есть?

— Вы же сам факт убийства не видели, да?

— Ну, допустим, не видела, — неохотно призналась Рыжикова.

— И трупа как такового у нас тоже нет...

— Я же говорю — он его ночью вынес...

— Вы видели только, что он вынес мешок, а что в этом мешке было, вы не знаете...

— Ну да, а что еще он мог такое большое выносить, да еще ночью? Ясное дело — труп!

— Мало ли что... может, мусор какой-нибудь. Короче, мы не имеем никаких оснований считать, что имеет место убийство. И вы не имеете. Вы можете только заявить, что она... гражданка Ромашкина, исчезла. Так это и то непроверенные сведения. Но заявление об исчезновении человека мы можем принять только по прошествии трех суток, и только от близкого родственника, а вы ей не родственник, правда?

— Правда, — неохотно признала Рыжикова.

— Ну, вот видите!

— Ничего я не вижу! Вижу только, что вы не хотите принять меры по моему сигналу! 19

— Ну, я же ваше заявление записал. Больше ничего сделать не могу. Давайте ваш пропуск, я подпишу.

Рыжикова неохотно протянула ему пропуск, Лебедкин поставил на нем время и расписался. У него оставалось какое-то странное чувство незавершенности, поэтому он добавил:

— Кстати, давайте уж запишем и ваш адрес.

— Мой? Зачем это вам мой адрес? — насторожилась Рыжикова.

— Ну, то есть адрес, по которому проживала предполагаемая жертва. Марианна, да? Эта, как ее... Ромашкина.

«Как мило, — сказала бы Дуся, — фамилия такая приятная...»

— А, вот это другое дело! — оживилась Рыжикова.

Она продиктовала ему адрес и ушла, ужасно недовольная.

Лебедкин попытался вернуться к своему графику, но после визита Рыжиковой работа не шла — болела голова и перед глазами плыли разноцветные пятна. Нет, все-таки эта посетительница точно настоящий энергетический вампир. Человека чуть до сердечного приступа не довела, а сама как огурчик.

Он подумал, что хорошо бы выпить кофе, немного взбодриться, и вышел из кабинета.

Кофейный автомат стоял возле комнаты дежурного. Дверь была приоткрыта, из-за нее доносился голос Коли Еропкина.

Лебедкину захотелось немедленно высказать Коле все, что он о нем думает. Вот какого черта он прислал к нему эту Рыжикову? Ну, понятно, хотел от нее отделаться, но надо же и совесть иметь! Они же все-таки коллеги, делают одно большое общее дело, значит, не нужно друг друга подставлять...